

ФРЕДЕРИК
ФОРСАЙТ

ДЕНЬ ШАКАЛА

Москва
издательство
РОДИНА
2026

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ф79

Frederick Forsyth
The Day of the Jackal
Hutchinson & Co
London 1971

Форсайт, Фредерик.

Ф79 День Шакала / Фредерик Форсайт ; [перевод с английского
В. С. Муравьева]. — Москва : Родина, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-00269-343-6

Имена не нужны, когда речь идет об одном из лучших наемных убийц в мире. Только такому по силам поразить столь защищенную цель — президента Франции генерала де Голля. И пока охотник неотвратно идет к своей жертве, лучший детектив Франции комиссар Клод Лебель ведет свою охоту за убийцей...

Роман классика остросюжетной литературы Фредерика Форсайта, взявшего за основу реальное противостояние французских спецслужб и террористической ультраправой организации ОАС, был впервые издан в 1971 году и по сей день входит в список ста лучших детективных романов всех времен.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-00269-343-6

© Муравьев В.С., перевод, 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ТЕХНОЛОГИЯ ЗАГОВОРА

Фредерик Форсайт (25 августа 1938— 9 июня 2025) — знаменитый английский писатель и сценарист. На протяжении более 20 лет являлся агентом Британской разведывательной службы. Книги Фредерика Форсайта были переведены на десятки языков. Всего в мире распродано более семидесяти миллионов экземпляров его произведений. Многие романы были экранизированы. В том числе и «День Шакала».

ГЛАВА 1

Ранним мартовским утром в Париже недолго и озябнуть, а в ожидании расстрела — тем более. В 6.40 11 марта 1963 года на главном плацу форта д'Иври у вбитого в заиндевелый гравий столба стоял подполковник французской авиации; ему завели руки назад, связали их за столбом и обвязали его веревкой, а он все еще недоуменно смотрел на шеренгу солдат в двадцати шагах.

В тягостной тишине шаркнула по гравию подошва; тридцатипятилетний Жан Мари Бастьен-Тири последний раз взглянул на белый свет, и ему завязали глаза. Послышался тихий молитвенный голос священника, залязгали двадцать затворов: карабины взяли наизготовку.

За стеной на улице грузовик, мчавшийся к центру города, сердито загудел на шуструю легковушку, заглушив команду: «Целься!» Деловито хлопнул залп; слившись с обыденным рассветным гулом, вспорхнула стайка голубей, и уж вовсе не слышен был за нарастающим уличным движением акт милосердия — пистолетный выстрел в затылок.

Главаря боевой группы ОАС¹, устроителя покушения на президента Франции, казнили, дабы положить конец подобным покушениям, но судьба решила совсем иначе, и тут началось такое, о чем не расскажешь, не объяснив подробнее, почему в то мар-

¹ *Organisation Armee Secrete (фр.) — военно-политическая организация фашистского типа, противостоявшая в 60-х гг. политике деколонизации президента де Голля и ставившая целью захват власти во Франции.*

товское утро у столба на плацу военной тюрьмы сник изрешеченный пулями труп...

* * *

Солнце скрылось за дворцовой стеной, и зазмеились длинные тени; дышать стало чуть полегче. Был самый жаркий день года, двадцать пять градусов в семь вечера; парижане торопились на выходные за город, усаживая в автомобили и вагоны сердитых жен и орущих детей. В этот день, 22 августа 1962 года, несколько человек поджидали президента, генерала Шарля де Голля, на городской окраине — затем, чтобы его убить.

Итак, народ разъезжался отдохнуть от зноя в речной и приморской прохладе, а за вычурным фасадом Елисейского дворца все никак не кончалось заседание кабинета министров. На коричневатом гравии, теперь уже в тени, кольцом стояли шестнадцать черных «ситроенов», занимая три четверти двора. Водители отошли к западной стене, где тень легла раньше и гуще; они привычно перешучивались, коротая время в ожидании начальства.

Уже начинали ворчать: что-то министры припозднились; но около 19.30 из стеклянных дверей появился служитель в орденах и медалях. С высоты шести ступеней он сделал рукою знак охране. Водители притапывали, расходясь, недокурные «голуазы», охранники и часовые в будках у ворот насторожились, и раздвинулись чугунные решетчатые створки.

Все шоферы сидели в машинах, когда служитель распахнул двери: министры выходили, желали друг другу приятного отдыха, чинно спускались с крыльца к подкатывавшим лимузинам, устраивались на задних сиденьях и выезжали мимо козыряющих жандармов на улицу Фобур Сент-Оноре.

Минут через десять у крыльца остались лишь два «ситроена»; первый из них — с президентским вымпелом. Водил его Франсуа Марру, шофер из Главного управления национальной жандармерии в Сатори. Молчаливик, он держался в стороне от прочих; хладнокровный, смелый и опытный водитель, он недаром стал личным шофером де Голля. Водитель второго «ситроена» был тоже из Сатори.

В 19.45 часовые снова стали навтыяжку: за стеклянными дверями показался Шарль де Голль в своем всегдашнем двубортном костюме маренго и темном галстуке. По-старинному учтиво склонившись, он пропустил вперед г-жу Ивонну, принял ее под руку и свел по ступеням к распахнутой левой задней дверце; сам он обошел машину и сел справа. Их зять, начальник штаба бронетанковых и кавалерийских войск полковник Ален де Буасье, проверил, заперты ли обе задние дверцы, и уселся рядом с Марру.

Дежурный телохранитель Анри д'Жудер, могучий алжирец-кабил, поместился во второй машине возле шофера: он поправил под левой мышкой тяжелый револьвер и откинулся на сиденье. Ему полагалось смотреть вовсе не на «ситроен» впереди, а на пронсящиеся тротуары и перекрестки. Позади него, сдав последние распоряжения, устроился в уютном одиночестве начальник личной охраны президента комиссар Жан Дюкре.

Взревели мотоциклы у западной стены, и двое в белых шлемах медленно выехали к воротам; остановились в десяти футах друг от друга и оглянулись. К ним уже подрулил Марру, и вторая машина не отстала. Было 19.50.

Снова разверзлись чугунные решетки, и маленький кортеж проехал мимо вытянувшихся в струнку жандармов на Фобур Сент-Оноре, а оттуда — на авеню де Мариньи. Из-под каштанов за ними наблюдал, сидя на мотороллере, молодой человек в белом защитном шлеме; он съехал с тротуара и помчался следом.

Заранее о проезде президента не оповещали; слышав сирены мотоциклов, регулировщики отчаянно свистели, размахивали жезлами — и как-то успевали вовремя перекрыть движение.

Кортеж разогнался на тенистой авеню и вылетел на солнечную площадь Клемансо, направляясь напрямиком к мосту Александра III. Юноша на мотороллере пристроился позади и ехал без помех. За мостом свернули на авеню Генерала Гальени, а оттуда — на широкий бульвар Инвалидов. Тут юноше все стало ясно: де Голль выезжает за город. На перекрестке бульвара и улицы Варенн он сбросил скорость и остановился возле углового кафе. Достав из кармана жетончик, он проследовал к телефону.

Подполковник Жан Мари Бастьен-Тири ожидал звонка в пригороде, в Медоне. Он был женат, имел троих детей, служил

в министерстве авиации. Чиновник как чиновник, примерный семьянин, он, однако же, втайне страстно ненавидел Шарля де Голля, который, по его глубокому убеждению, предал Францию и обманул избирателей — ведь избран в 1958 году он был вовсе не затем, чтобы отдать Алжир на поток и разграбление арабским националистам.

Лично его алжирские дела никак не задевали: у него были высшие мотивы. Он считал себя патриотом и был уверен, что убийство предателя — лучшая услуга отчизне. Многие тысячи французов разделяли его убеждения, но мало кто становился оголтелым оасовцем, заклятым врагом Де Голля и его ставленников. Бастьен-Тири был из таких.

Когда его позвали к телефону, он спокойно прихлебывал пиво. Бармен протянул ему трубку, а сам отошел к другому концу стойки настраивать телевизор. Бастьен-Тири несколько секунд молча слушал, затем сказал: «Понятно, спасибо» — и вышел из кафе на тротуар, благо за пиво было уплачено; он вынул газету из-под мышки и не спеша развернул ее два раза.

В окне второго этажа напротив молодая женщина опустила кружевную занавеску и обернулась к двенадцати мужчинам, разместившимся в ее комнате. «Второе шоссе», — сказала она. Пятеро новичков, непривычных к убийству, перестали хрустеть пальцами и вскочили на ноги.

Другие семеро были постарше и держались спокойнее. Ими руководил заместитель Бастьена-Тири лейтенант Ален Бугрене де ля Токне; он был из дворян-землевладельцев, консерватор до мозга костей. Ему тоже было тридцать пять, женат, двое детей.

Среди опытных выделялся Жорж Ватен: коренастый, с квадратной челюстью, бывший алжирский агроном, за два с лишним года он стал отпетым убийцей. Он подволакивал раненую ногу и потому назывался Хромым.

Черным ходом спустились двенадцать человек в переулочек к машинам и мотоциклам, украденным либо взятым напрокат. Было 19.55.

Бастьен-Тири разведывал место день за днем: он прикидывал огневые траектории, соображал, с какой скоростью и как именно

будут перемещаться цели, то бишь машины, подсчитывал, какая понадобится плотность огня, чтобы их остановить. Облюбовал он длинное прямое шоссе, авеню де ля Либерасьон на пересечении с улочками Пти-Кламара. Первая группа снайперов открывает огонь по президентской машине за двести ярдов до перекрестка из-за огромного грузовика — огонь почти что кинжальный.

Как рассчитал Бастьен-Тири, не меньше ста пятидесяти пуль прошьют головную машину, пока она поравняется с грузовиком. Машина остановится, а второй отряд вынырнет из-за угла и ликвидировать охрану. Затем обе группы ураганным огнем добивают неприятеля и бегут к своим машинам на боковой улочке.

Сам Бастьен-Тири, тринадцатый участник покушения, отвел себе опаснейшую роль наблюдателя и координатора. В 20.05 все были на местах. Он за сто ярдов от засады стоял у автобусной остановки с газетой в руках. Взмахнув этой газетой, он должен был подать сигнал Сержу Бернье, начальнику первой группы, скрытой за грузовиком. И откроют пальбу снайперы, залегшие у его ног. Бугрене де ля Токне перехватит охранников, а уж Хромой Ватен никого в живых не оставит.

Отцелкивались предохранители; между тем кортеж генерала де Голля миновал центральные улицы и выехал на просторные пригородные проспекты со скоростью без малого шестьдесят миль в час.

Путь впереди расчистился: Марру взглянул на часы, ощутил за спиной сдержанное генеральское раздражение — и прибавил скорость. Мотоциклисты чуть-чуть отстали, тем более что де Голль их не жаловал — уж если нельзя без этого, так хоть не торчите на виду. В таком порядке и проследовал кортеж в Пти-Клармар по авеню де ля Дивизьон Леклерк. Было 20.17.

А за милю от них Бастьен-Тири почувствовал, что в чем-то он очень оплошал. В чем — это он понял куда позже, уже в камере смертников: полицейские ему объяснили. Оказывается, он готовил покушение по календарю 1961 года, где было написано черным по белому, что солнце нынче заходит в 20.35, и времени хватало с лихвой, даже если де Голль запоздает — а он запаздывал. Между тем по нынешнему-то календарю 22 августа 1962 года смеркалось в 20.10. Эти потерянные двадцать пять минут предре-

шили дальнейшую историю Франции. В 20.18 Бастьен-Тири наконец увидел президентский кортеж, приближающийся со скоростью семьдесят миль, и бешено замахал газетой.

Ста ярдами дальше на другой стороне проспекта Бернье злобно приглядывался и никак не мог понять, что там делает отуманенная фигурка. «Махнул он или не махнул газетой?» — вслух спросил он сам себя, и едва спросил, как акулий нос президентского «ситроена» промелькнул мимо автобусной остановки и надвинулся на него. «Огонь!» — заорал он, и снайперы у его ног открыли пальбу под прямым углом по пронсящейся (70 миль в час) цели.

Стреляли они, что ни говори, метко: добрая дюжина пуль угодила в «ситроен», большей частью сзади. Брызнули ключья шин; и хотя они самозаклеивались, все же из-за внезапной потери давления машину занесло на передних колесах. Но Франсуа Марру спас жизнь де Голлю.

Первоклассный стрелок, бывший легионер Варга метился в колеса; остальные разрядили автоматы в заднее стекло удалявшегося «ситроена». Несколько пуль впились в кузов, одна продырявила стекло и просвистела в дюйме-другом от президентского носа. «Пригнитесь!» — закричал, обернувшись, полковник де Буасье. Г-жа де Голль уткнулась в колени мужа. «Это что, опять?» — холодно проговорил генерал и покосился на заднее окно.

Марру кое-как совладал с рулем, сбросил скорость и выровнял машину; «ситроен» рванулся вперед, к перекрестку, где на авеню де Буа его поджидал другой отряд боевиков. За Марру почти вплотную следовала как ни в чем не бывало машина с охраной.

Бугрене де ля Токне сидел за рулем, двигатель был включен; ему надо было мгновенно решать, подставиться и пожертвовать жизнью или полсекунды промедлить. Он промедлил — и, вырвавшись на проспект, оказался бок о бок с машиной, где сидели телохранитель д'Жудер и комиссар Дюкре.

Выставившись из правого заднего окна почти по пояс, Ватен разрядил магазин вслед президентской машине, в которой мелькнул за разбитым стеклом надменный профиль де Голля.

— Вот болваны, даже не отстреливаются, — раздраженно бросил тот. Между тем д'Жудер держал пистолет наготове

и за десять футов не промахнулся бы, но голова водителя заслоняла цель. Дюкре повелительно крикнул: «За президентом!» — и оасовцы мигом остались позади. Мотоциклисты, одного из которых де ля Токне едва не сбил, нагнали машины, и президентский кортеж, развернувшись на развилке, проследовал на Виллакубле.

А незадачливым убийцам не было времени разбираться, кто в чем виноват; разобрались потом. Оставив три машины на месте засады, они мигом разъехали на запасных автомобилях, благо уже совсем стемнело.

Комиссар Дюкре связался с Виллакубле по рации и коротко объяснил, что и как. Через десять минут прибыл дополнительный конвой, и де Голль велел ехать напрямик к вертолетной площадке. Возле остановившейся машины столпились военные и штатские; задняя дверца распахнулась: все были встревожены самочувствием г-жи де Голль. Из другой дверцы появился генерал, встряхивая лацканы, обсыпанные осколками стекла. Жестом отстранив взволнованную толпу, он обошел машину и подал руку жене.

— Пойдем, дорогая, мы уже почти дома, — сказал он ей и, обернувшись, проронил суждение об ОАС: — Стрелять не умеют. — Он провел жену в кабину вертолета, сел рядом с нею — к ним присоединился д'Жудер — и отправился отдохнуть денек-другой.

Посерев и поникнув, сидел в машине Франсуа Марру. Баллоны под конец сдали, и «ситроен» дотянул на ободах. Дюкре потрепал его по плечу и отправился на расследование.

Журналисты всего мира повествовали о покушении и упражнялись в домыслах, а между тем французская полиция во главе с Сюрте насыональ с помощью спецслужб и жандармерии учинила розыск, еще небывалый во Франции (потом, правда, был розыск еще почище этого, когда искали неизвестного убийцу, которого так и не нашли; в картотеках он до сих пор имеет лишь кличку Шакал...), но до поры до времени тщетный.

Дело стронулось с мертвой точки 3 сентября, и стронула его, как это нередко бывает, простая проверка документов. Возле города Валанс, чуть южнее Лиона, на трассе из Парижа в Марсель,

полицейские наугад остановили частную машину; в ней ехали четверо. Только в тот день их уже остановили несколько сотен, и без всякого толку; но тут у одного из четверых документов не оказалось, он их якобы потерял. Его, а заодно уж и остальных задержали и отвезли в Баланс — разобраться.

Там определенно выяснилось, что этот четвертый — случайный попутчик, и троих отпустили, а у него сняли отпечатки пальцев и послали их в Париж: тот ли он, за кого себя выдает? Ответ пришел через двенадцать часов: задержан двадцатидвухлетний дезертир из Иностранного легиона, подлежит военному суду. А что он Пьер Дени Магад — это правда.

В лионском полицейском управлении, пока он дожидался допроса, караульный полушутя спросил его:

— Ну, а что скажем насчет Пти-Кламара?

Тот угрюмо пожал плечами:

— Чего мне говорить — спрашивайте.

«Раскалывался» он восемь часов, ошеломляя допросчиков; стенографисты исписывали блокнот за блокнотом. Он назвал всех участников покушения и вдобавок девятерых сообщников, так или иначе в нем замешанных, общим счетом двадцать два человека. Теперь полиция знала, кого она ищет.

Скрыться, и притом бесследно, удалось одному Жоржу Ватену; вероятно, он проживает в Испании, где нашли прибежище многие главаря ОАС.

Следствие по делу Бастьена-Тири, Бугрене де ля Токне и прочих закончилось к декабрю; в январе 1963 года они предстали перед судом.

Во время процесса ОАС развернула наступление всеми силами и средствами, и французской тайной полиции приходилось туго. Под личиной благополучия, под золоченым покровом культуры и цивилизации неистовствовала потаенная война, одна из самых ожесточенных и беспощадных в современной истории.

Французская тайная полиция именуется Service de Documentation Exterieur et de Contre-Espionage, сокращенно СДЕКЕ. Разведка за границей и контрразведка во Франции естественно дополняют друг друга. Первое управление СДЕКЕ — служба информации: она разбита на отделы под общей литерой «Р»

(Renseignement¹): P-1 — аналитический отдел; P-2 — Восточная Европа; P-3 — Западная Европа; P-4 — Африка; P-5 — Ближний Восток; P-6 — Дальний Восток; P-7 — Америка (Западное полушарие). Второе управление ведаёт контрразведкой, Третье и Четвертое занимаются мировым коммунистическим движением, Шестое — финансовое, Седьмое — административное.

Но есть еще и Пятое, под названием «Аксьон»: там формировались ударные группы для разгрома ОАС. Сотню за сотней отборных бойцов поставляла штаб-квартира Аксьон сервис, расположенная в невзрачном квартале за бульваром Мортье, близ Порт-де-Лила, тусклого северо-восточного предместья Парижа. Отбирали большей частью корсиканцев: пройдя усиленную физическую подготовку, они затем обучались в Сатори отдельно от прочих курсантов. Их обучали всем приемам стрельбы из всех видов оружия, рукопашному бою — дзюдо и каратэ, — обращению с радиопередатчиками и взрывчаткой, технике допросов и пыток; учили разрушать, поджигать, похищать и уничтожать.

Некоторые из них говорили только по-французски; другие свободно владели иностранными языками и были как дома в любой мировой столице. Для пользы дела им разрешалось убивать, и они этим разрешением часто пользовались.

В ответ на оголтелый террор ОАС начальник СДЕКЕ генерал Эжен Гибо решил наконец дать полную волю своим молодцам. Агенты Аксьон внедрились в ОАС вплоть до самых ее верхов. По их наводке многие оасовские резиденты во Франции, а то и за ее пределами попали в лапы французской полиции. Иной раз, если взять их было нельзя, а заманить на родину не удавалось, их преспокойно убивали за границей. Родственники бесследно исчезнувших оасовцев всегда предполагали, и не без оснований, что это дело рук Аксьон сервис.

ОАС постаралась не остаться в долгу. Агентов Аксьон сервис (именовавшихся барбузами — бородачами, ряжеными) ненавидели пуще всякой полиции. В последние дни войны на территории Алжира семерых барбузов захватили живьем, и трупы их, с обрезанными носами и ушами, повисли с балконов и на фона-

¹ Разведывательные данные (фр.)

рях. Вот так велась потаенная война, и навеки останется тайной, кто, кого и в каком подвале запытал до смерти.

Большей частью, однако, барбузы подвизались вне ОАС, на роли подручных СДЕКЕ. Были среди них бандиты-рецидивисты, сохранявшие связи с преступным миром и связи эти использовавшие, когда правительство нуждалось в особо грязных услугах. Во Франции даже поползли слухи о «параллельной» (неофициальной) полиции, которой якобы заправляет довереннейшее лицо де Голля, его правая рука, г-н Жак Фоккар. На самом же деле никакой «параллельной» полиции не было: орудовали головорезы из Аксьон сервис или — по их поручению — обыкновенные гангстеры. Среди уголовников Парижа и Марселя и в Аксьон сервис было полным-полно корсиканцев, и после зверского убийства семерых из алжирской спецкоманды оасовцам объявили вендетту, а в этом деле на Корсике толк знают. Как известно, корсиканские бандиты помогли в 1944 году союзникам высадиться на юге Франции (небескорыстно, разумеется: в награду они стали безраздельными хозяевами всех борделей и притонов Лазурного берега); а в начале 1960-х их вендетта порядком помогла торжеству законности. Кстати, «черноногие» оасовцы — уроженцы Алжира, были по всем статьям вылитые корсиканцы, так что временами война становилась прямо-таки братоубийственной.

Во время суда над Бастьеном-Тири и его сообщниками ОАС развернула широкую пропагандистскую кампанию. У ее вдохновителя и закулисного организатора пти-кламарского покушения, выпускника престижнейшей Политехнической школы полковника Антуана Аргу, была и сметка, и хватка. В чине лейтенанта он вступил под знамена де Голля и сражался с нацистами; потом командовал кавалерийским полком в Алжире. Превосходный командир, он не ведал ни усталости, ни жалости; и в 1962 году этот крепко сбитый коротыш возглавил оперативный отдел ОАС.

Психологическая подоплека войны была ему отлично знакома: он понимал, что наряду с террором требуются дипломатия и пропаганда. В этих целях он использовал авторитет Жоржа Бидо, бывшего французского министра иностранных дел, а ныне председателя Совета национального сопротивления, служившего политическим рупором ОАС. Надо было по возможности

«респектабельно» разъяснить общественности существо анти-деголлерской оппозиции.

Аргу с его недюжинным интеллектом недаром стал в свое время самым молодым полковником во Франции, и недаром его считали опаснейшим из главарей ОАС, Он устроил Бидо серию интервью с крупнейшими радио- и телекомпаниями, а уж тот, опытный политик, постарался отодвинуть в тень неблагоприятные делишки оасовских головорезов.

Успех этой пропагандистской вылазки встревожил правительство больше, чем взрывы пластиковых бомб в кафе и кинотеатрах по всей Франции. А 14 февраля раскрыли очередное покушение на де Голля: 15-го он выступал перед слушателями Военной академии на Марсовом поле и при входе в здание должен был получить пулю в затылок с чердака одного из корпусов.

Перед судом впоследствии предстали некто Жан Бикнон, капитан артиллерии Робер Пуанар и преподавательница английского языка в Академии г-жа Поль Русселе де Лифьяк. Стрелком у них был все тот же Хромой Ватен, по-прежнему неуловимый. На квартире Пуанара нашли снайперскую винтовку, и все трое были разом арестованы. Оказалось, что заговорщики, желая провести Ватена на территорию Академии, прощупывали унтер-офицера Мариюса То, а унтер-офицер немедленно обратился в полицию. Генерал де Голль, как и намечалось, выступил в Академии 15-го, приехав, к своему крайнему раздражению, в бронированном автомобиле.

Заговорщики действовали донельзя неумело, но де Голль наконец обозлился. Наутро он вызвал министра внутренних дел Фрея и, стукнув кулаком по столу, заявил, что «с него хватит покушений».

Решено было крепко дать по рукам заправилам ОАС, чтобы прочие призадумались. Фрей не сомневался в исходе процесса Бастьена-Тири, благо тот напропалую разглагольствовал перед Военным трибуналом, что де Голля нельзя не убить. Но этого было маловато.

12 февраля на стол начальника Аксьон сервис легла копия докладной из Второго управления СДЕКЕ, направленной перед тем министру внутренних дел. Сообщалось:

«Нам удалось установить местонахождение одного из главнейших деятелей мятежного подполья, а именно бывшего полковника французской армии Антуана Аргу. Он отправился в Германию и намеревается, согласно агентурным данным, пробыть там несколько дней...»

Таким образом, представляется возможным захватить вышеупомянутого Антуана Аргу. Однако же поскольку наша официальная просьба о содействии, адресованная спецслужбам ФРГ, встретила категорический отказ, а упомянутые спецслужбы могут оповестить Аргу и прочих главарей ОАС о наших намерениях, то операция по захвату Аргу, если она будет признана целесообразной, должна быть проведена в строжайшей тайне и неотложно...»

То есть проведение операции препоручалось Аксьон сервис.

Днем 25 февраля Аргу вернулся в Мюнхен из Рима после совещания на высшем уровне ОАС. К себе на Унертльштрассе он не поехал, а взял такси до гостиницы «Эден-Вольф»; там, в бронированном номере, предстояло очередное совещание, на которое он не попал. В холле к нему подошли двое; послышалась безукоризненная немецкая речь. Полицейские, решил он, и полез в нагрудный карман за паспортом.

Но обе руки тут же перехватили, пол ушел из-под ног, его миглом вынесли на улицу и зашвырнули в бельевой фургон. В ответ на свои протесты он услышал подзаборную французскую брань. Жесткий удар по переносице, резкий тычок под ложечку, нажатие нервного сплетения за ухом — и больше ничего не понадобилось.

Через двадцать четыре часа в Париже, в отделении Уголовной полиции на набережной Орфевр, дом 36, зазвонил телефон. Кто-то сипло сообщил дежурному сержанту, что он из ОАС и что Антуан Аргу, «крепенько повязанный», лежит в фургоне на их полицейской стоянке. Действительно, через несколько минут задние дверцы фургона распахнулись, и оттуда к ногам ошеломленных полицейских вывалился Аргу.

Глаза ему туго-натуго завязали сутки назад, и свет ослепил его. Ему помогли встать на ноги. Лицо его было испятнано высохшей

кровью из разбитого носа; изо рта вытащили кляп, но рот не повиновался. Его спросили: «Вы — полковник Антуан Аргу?» Он беззвучно выговорил: «Да». Молодцы из Аксьон сервис как-то ухитрились ночью переправить его через границу, а уж звонок в полицию — это было так, для забавы. Аргу просидел в тюрьме до июня 1968 года.

Одного не учли ребята из Аксьон сервис и их начальники: похитив Аргу, они здорово обескуражили ОАС, однако на смену ему пришел незаметный, неизвестный, но отнюдь не менее хитроумный подполковник Марк Роден, он-то и занялся убийством де Голля. Может, лучше бы и не стоило убирать Антуана Аргу.

4 марта Высший военный трибунал вынес приговор по делу Бастьена-Тири. Его и еще двоих приговорили к смертной казни; такого же приговора заочно удостоились еще трое, в том числе Хромой Ватен. 8 марта генерал де Голль молча выслушал трехчасовую апелляцию: двоим он заменил смертную казнь на пожизненное заключение, но третий, Бастьен-Тири, подлежал расстрелу.

Вечером адвокат объявил подполковнику, что его ждет.

— Одиннадцатого, — сказал он и, видя, что тот недоверчиво улыбается, сердито проговорил: — Одиннадцатого вас расстреляют.

Бастьен-Тири, по-прежнему улыбаясь, покачал головой.

— Вам этого не понять, — сказал он адвокату. — Ни один французский солдат в меня не выстрелит.

Он ошибся. Радиостанция «Европа-1» сообщила в восьмичасовом выпуске новостей на французском языке, что приговор приведен в исполнение, и во всей Европе это услышали все, кто слушал эту передачу. И в маленьком номере одной австрийской гостиницы передача эта вызвала такой поток мыслей, а за ними и действий, что генерал де Голль оказался на самом краю гибели. Передачу слушал подполковник Марк Роден, новый руководитель оперативного отдела ОАС.

ГЛАВА 2

Марк Роден выключил транзистор и встал из-за стола; к завтраку он едва притронулся. Он отошел к окну, прикурил сигарету от окурка и невидящим взглядом уставился на заснеженные склоны гор, до которых еще не добралась запоздалая весна.

— Ублюдки, — негромко и ненавистно проговорил он и все так же вполголоса, отводя душу, высказался куда похлеще о президенте, правительстве и Аксьон сервис.

Роден был почти ни в чем не похож на своего предшественника. Длинный и сухопарый, с трупно-серым, исхудалым от затаенной злобы лицом, он в отличие от пылких соплеменников обычно сохранял невозмутимый вид. Сын сапожника, он в университетах не обучался; военная карьера его началась, когда он, еще зеленый юнец, переплыл Ла-Манш в рыбацкой лодке и вступил рядовым под знамена с лотарингским крестом.

Сержантский, а затем унтер-офицерский чины достались ему в жестоких боях в Северной Африке под командой Кенига и на полях Нормандии в дивизии Леклерка. Во время битвы за Париж его произвели в офицеры, о чем в мирное время он, с его образованием, и мечтать бы не смел. Война кончилась, и он мог уволиться из армии.

Уволиться, а дальше что? Отец обучил его сапожному ремеслу, но оно было ему не по душе; особенно же не нравилось ему, что рабочих, как раньше подпольщиков и партизан Сопротивления, прибрали к рукам коммунисты. Он остался служить и с горечью наблюдал, как новоявленные выпускники военных училищ, молокососы, вызубрившие учебники, запросто получали офицерское звание, которое он добыл потом и кровью. Между тем эти молокососы быстренько оказывались старше его по званию, и горечь стала закоренелой обидой.

Нет, рассудил Роден, уж если служить, то служить в колониальных войсках, драться бок о бок с настоящими, доподлинными солдатами, а эти... пусть учатся маршировать. И он испросил перевод в парашютно-десантные части.

Через год он командовал ротой в Индокитае, и окружали его единомышленники. Здесь карьера была открыта, хотя бы и сыну сапожника: знай себе иди в огонь — изо дня в день. Он стал майором, а когда война кончилась, несчастный год проторчал во Франции и наконец попал в Алжир.

За этот год на родине — после презренной капитуляции в Индокитае — его горькая обида превратилась в нестерпимую ненависть к политикам и коммунистам: он их не различал. От из-

менников и подлецов, заполонивших Францию, надо избавиться разом — кто же это сделает, если не военные? Одна только армия была чиста от этой скверны.

Как большинство боевых офицеров, которым — опять-таки изо дня в день — приходилось хоронить павших в бою и обезображенные трупы тех, кого противник, по несчастью, взял живыми, Роден гордился своими солдатами — солью земли, воинами, кровью своей искупающими буржуазное благополучие. И вот, провоевав восемь лет в индокитайских джунглях, он обнаружил, что на родине никто французского солдата в грош не ставит, а левые интеллектуалы еще и поносят: они, мол, пытками добивались признаний, без которых... да что говорить! И Марк Роден, обойденный судьбою, стал твердокаменным фанатиком.

Он ничуть не сомневался, что если бы не расслабленные колониальные власти и не политический саботаж во Франции, то вьетнамским партизанам тут бы и конец. Индокитай, однако же, уступили туземцам — это значит скопом предали тысячи и тысячи наших ребят, погибших, выходит, задаром. Нет уж, хватит предательства, это мы докажем в Алжире. Весною 1956 года Роден был, сколько мог, счастлив и убежден, что уж там-то, на алжирских холмах, и он покажет себя, и французская армия в грязь лицом не ударит.

После двух лет ожесточенных боев он был настроен по-прежнему. Ну да, мятеж пока не удалось подавить: сколько перестреляли феллахов, выжгли селений, запытали террористов — а он охватил всю страну и перекинулся из «глубинки» — бледа — в города.

За чем же дело стало? Да лишь за добавочной помощью из метрополии. Воевали-то, собственно говоря, во французской провинции, где обитало три миллиона французов. Алжир — это часть Франции, и драться за него надо так же, как за Нормандию, Бретань или Приморские Альпы. Свежеиспеченный подполковник Марк Роден усмирял уже не блед, а города, сначала Бон, потом Константин.

В захолустье он имел дело с бойцами Фронта национального освобождения (ФНО), какими-никакими, а все же более или менее солдатами. Он их, разумеется, ненавидел, но что это была за ненависть по сравнению с той, какую вызывали у него город-

ские убийцы-невидимки, вроде мусорщиков, подкладывавших пластиковые бомбы в людных кафе и магазинах, на детских площадках французских кварталов. И Роден постарался очистить Константин от этой поганы — так постарался, что заслужил у мусульман прозвище Живодер.

Чтобы вконец расправиться с ФНО и его армией, требовалась всего-навсего полная поддержка Парижа. Фанатизм легко затмевают факты: непосильные военные расходы, дестабилизация французской экономики, очевидная невозможность победы, упадок духа новобранцев — все это, считал Роден, вздор и сущие пустяки.

В 1958 году де Голль вернулся к власти: он стал премьер-министром, решительно ликвидировал прогнившую и немощную Четвертую республику и учредил Пятую, президентом которой был избран в январе 1959-го. В Елисейский дворец он вступил все с тем же обеспечившим ему ранее поддержку генералитета победоносным лозунгом на устах: «Французский Алжир!» Услышав эти его слова по радио, Роден удалился к себе и расплакался от радости. Де Голль явился в Алжир, и Родену казалось, будто сам Зевс низошел с Олимпа. Ну, думал он, теперь-то дела пойдут на лад. Коммунистов отовсюду выметут поганой метлой, изменника Жана Поля Сартра обязательно расстреляют, профсоюзы прижмут к ногтю, и Франция наконец по-настоящему придет на выручку своим кровным братьям в Алжире и своей армии, отстаивающей французскую цивилизацию против варварства.

Словом, все было ясно как день, и, когда президент де Голль повел свою, совсем неожиданную политику, Роден решил, что тут какой-то подвох. Мало ли какие у старикана расчеты? Слухам о предварительных переговорах с Бен Беллой и ФНО Роден попросту не поверил. В 1960-м он был всей душой на стороне повстанцев-колонилистов Большого Жо Ортиза; однако же считал, что де Голля торопить не надо, тот наверняка знает, что делает, а придет время — разгромит проклятых феллахов одним ударом. Он ведь говорил, и повторял золотые слова: «Французский Алжир!»

Когда же окончательно, вне всякого сомнения выяснилось, что Шарль де Голль намерен благоустраивать Францию ценою